

ЮРИЙ ДЬЯКОНОВ

Мавзолей зимы

РАССКАЗ ИЗ СБОРНИКА
«ТРИНАДЦАТЬ ТОВАРНЫХ
ВАГОНОВ В СИБИРЬ»

Юрий Дьяконов
Мавзолей зимы

«Издательские решения»

Дьяконов Ю.

Мавзолей зимы / Ю. Дьяконов — «Издательские решения»,

Некоторые хотят слишком многого, забывая, что не смогут забрать это с собой. Даже если бы могли — по ту сторону ничего не купить.

Мавзолей зимы

Рассказ из сборника «Тринадцать товарных вагонов в Сибирь»

Юрий Дьяконов

© Юрий Дьяконов, 2016

© Александра Короткова, перевод, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Задолго до того, как маленькая Фенелла научилась осознанно воспринимать окружающий мир и делиться впечатлениями с отцом, Ермалай утратил ясность рассудка. Будучи наследником старинного дворянского рода, он семьдесят лет управлял имением с обширными земельными и водными угодьями. К концу жизни Ермалай непрестанно бродил по любимому поместью, отдавая особое предпочтение фамильному кладбищу, разбитому среди ухоженного сада. Такое поведение пожилого аристократа вряд ли сочли бы странным, если бы не одно но. Ермалай утверждал, будто сажает семена, которые однажды взойдут рубинами и драгоценными камнями. Его красавица жена была почти на тридцать лет моложе и порой ради забавы ходила за мужем по пятам, пока слуги занимались хозяйством. К ее удивлению, в супруге открылась эксцентричная особенность, грозившая если не окончательно разорить семью, то, по крайней мере, существенно подорвать ее финансовое благополучие. Ермалай закапывал золотые монеты и самородки в разных концах скорбного сада. Мороз пробирал от мысли о том, как долго продолжалось это безумие. Однако прямой вопрос нисколько не смутил старика: «Что посеешь, – сказал он, – то и пожнешь».

Что ж, спорить с мужем было бессмысленно, а рассказывать прислуге о планах хозяйина даже опасно – совсем сложат руки в ожидании обещанных золотых всходов. По счастью (как заключила прагматичная жена), как-то знойным летним днем Ермалай и Фенелла нашли на розовой клумбе мертвым, с зажатými в кулаке золотыми монетами. Под кустом виднелась маленькая норка, а под ногтями – грязь. И то и другое со всей очевидностью указывало на последнее занятие усопшего. «Затратно, но благородно», – игриво сокрушалась вдова. Благо, экономка, обнаружившая тело, ничего курьезного из инцидента не вынесла, лишь в голос сожалела о смерти хозяйина. Жена покойного, конечно, провела полную оценку наследства, но вовсе не планировала ползать на коленях по кладбищу в поисках закопанных сокровищ. Жизнь протекала безбедно, владельцы соседних имений, как и прежде, платили золотом за право пригонять стада на водопой к источникам, которые теперь всецело принадлежали вдове Ермалай и их дочери Фенелле.

Время, как мы его представляем, движется по прямой, от иллюзорного начала к неизбежному концу. Рано или поздно человек примиряется с фактом рождения, но откладывает мысли о том, что, следуя неясным путем, он в конце концов зайдет в тупик. Обстоятельства меняются, но результат всегда один.

Рафаэль тоже не думал о смерти, и уж тем более не собирался покоиться в семейном мавзолее. Да и кто размышляет о неизбежном, когда жизнь, несмотря на всю непредсказуемость, щедро осыпает благами? Потому грядущие события показались Рафаэлю неправдоподобными, как в слишком реалистичном сне. Но ведь он не спал, а значит, всего этого не должно было происходить. По прошествии стало ясно – трагедии можно было избежать, подставить Рафаэлю втую щеку, пропусти мимо ушей оскорбление в адрес жены.

Расчетливый Адрастос был далеко не молод, но в свои шестьдесят с лишним чувствовал полноту жизни, увлекался молоденькими женщинами, крепкой выпивкой и имел достаточно

денег, чтобы потакать своим порокам до последнего вздоха или, пока старость не умерит плотские аппетиты. Жил он по соседству с Рафаэлем, и в этом заключалась главная сложность. Семье Рафаэля принадлежала долина с ее богатыми водными ресурсами, тогда как Адрастос владел склоном и многочисленными стадами коз и овец. Сотрудничество с трудом давалось завистливому Адрастосу. Скрепя сердце тот платил за право поить животных, позволяя юному соседу роскошно жить, не пролив ни единой капли пота.

Односторонняя неприязнь с годами крепла. Обида накапливалась, подпитываясь непомерной завистью и злостью, пока ни выплеснулась одним холодным ноябрьским вечером. Как и все видные члены местного общества, Рафаэль и Адрастос пришли в таверну с супругами. Отмечали День святого Мейнарда, легендарного миссионера, который обращал в христианство ливонских язычников. Музыканты играли на мрачноватых фаготах и ласкающих слух лютянях, ангельскими голосами пели дети, пока одинокая виола д'амур раз за разом выводила длинную мелодическую линию.

В теплой и благодатной атмосфере гости наслаждались жареной говядиной, птицей, козлятиной и, само собой, бараниной, бесцеремонно перемежая мясные блюда сырами, кусками вишневого торта «Шварцвальд» и заливая все реками шнапса «Химбергайт» с яблочным, вишневым, сливовым и малиновым вкусом. Не обошлось без пива, которого стараниями сердобольных крестьян было в избытке. Сами они в праздновании не участвовали, но прислуживали гостям и с особым рвением делились плодами богатого урожая. Классовые различия соблюдались неукоснительно, но, если на то пошло, не вызывали ни страха, ни чувства вины. Каждый принимал свое положение смиренно без видимой зависти и недовольства.

Все понимали социальную иерархию, знали правила поведения и, сознательно или нет, находили свое место в цепи. Если крестьян просто секли, то мужи благородного сословия решали разногласия, как подобает рыцарям – назначали ранним утром у реки роковые встречи под одиноким дубом. Тем опаснее было смешивать пиво со шнапсом и позволять непочтительным мыслям срывать с языка, особенно в приличном обществе. Поэтому, когда Адрастос бросил презрительное замечание в адрес Фенеллы, живое общение в зале сменилось гробовой тишиной. Еще через пару секунд расстроилась слаженная игра инструментов и музыка утихла.

Мало кто заметил, что всегда жадный до общения Адрастос весь вечер пил не закусывая и глаз не сводил с белых плеч Фенеллы, известной красавицы и умницы. Признавая, что чужая душа потемки, и желая сохранить непредвзятость суждений, можно заключить, будто скабрезное замечание невольно слетело с губ сильно подвыпившего человека. К несчастью, оно не осталось незамеченным. Публика насторожилась, поскольку рядом была жена Адрастоса. Женщина солидного телосложения как раз оживленно беседовала с возвышенно элегантною Фенеллой. По-видимому, контраст между тем, чего Адрастос желал, и тем, чем обладал, лишил его остатков вежливости, разрушил последний барьер, который не дает мужчинам прислушаться к зловещему шепоту темной стороны сознания.

Однако, оглядываясь на события прошлого с теперешних позиций, стоит признать – неожиданный выпад Адрастоса стал первым в цепи продуманных поступков. Стратегия складывалась постепенно из осколков злобы, гнева, зависти, жадности, похоти и неутолимой жажды всего и побольше при полном достатке и способности удовлетворить любую потребность. Никто не догадывался, но два года назад Адрастос перестал платить Рафаэлю за водопой, чем едва не привел имение художника в полный упадок. Молодому аристократу оставалось полагаться исключительно на сбережения жены, чтобы покрывать налоги и содержать небольшой штат прислуги. Адрастос знал, что Рафаэль не в силах помешать стадам поиться из неистощимых водных источников, которыми так богата его земля. Что он мог поделать? Выстроить многокилометровую изгородь? Словно червь точил сердце Адрастоса. Как мог этот никчемный рисовака покорить сердце Фенеллы и завладеть состоянием, сулившим беззаботную жизнь? Рафаэль не только получал золото Адрастоса, но и спал с женщиной, которую тот желал еще

мальчишкой. И вот они ели и пили вместе, несмотря на враждебность и провокации, точно и не было между ними раскола. Налог за гигантское имение Рафаэля так и остался не уплачен. Скоро магистрат предъявит ультиматум, и Адрастос об этом знал. Но сейчас его манила бездна, название которой похоть. Он балансировал на краю и едва держался, чтобы не сорваться. Адрастос воцарился Фенеллу так, как воцарился только золото, и больше ждать не мог.

Именно в тот вечер кусочки мозаики сложились воедино, будто невидимая рука расставила их по местам. В преступном сознании Адрастоса вырос план, каким бы спонтанным все ни выглядело. Оставалось шаг за шагом его воплотить. И ведь воплотил!

– Поглядите на нее! Эти худосочные дойки и порося не прокормят. Не уж-то настоящий мужик для утех чего посолонней не найдет?

Сказав это, Адрастос подошел к жене, бесцеремонно ухватил ее за пышную грудь и нагло посмотрел в глаза обескураженной Фенелле. Тут же, желая углубить нанесенную рану, пригнул к себе недовольную супругу, сжав ее массивные ягодицы, которые смутили бы даже Рубенса. Пожалуй, и в этот момент еще можно было сгладить конфуз шутливыми комплиментами в адрес обеих дам, подчеркнуть достоинства каждой и свести все к вопросу предпочтений. Кому-то нравится малиновый шнапс, кто-то любит вишневый. И тот и другой скрасит холодную ноябрьскую ночь. Но нет! Оскорбление задумывалось так, чтобы вызвать максимально негативный эффект.

– Рафаэль, зачем моришь голодом свою женщину? Каждый месяц грабишь меня на воде для скота и не можешь прокормить жену? Кожа да кости! С такой и ночью не согреешься.

Вот теперь было поздно что-то менять. Такие слова да с такой интонацией все равно, что шаг в разверстую пропасть. Оставалось лететь навстречу гранитному кулаку. Поначалу Рафаэль отказывался принимать слова, приглушенные гулом общей беседы, но увидел, как блестящие слезы покатались по гладким щекам Фенеллы к уголкам ее дрожащих губ. Кровь кинулась в лицо Рафаэлю, он не смог промолчать.

– Что на вас нашло, Адрастос? Алкоголь ударил в голову? Немедленно извинитесь и покиньте помещение, иначе я...

– Иначе что? Я должен извиняться за то, что пью? Или за то, что говорю правду?

Рафаэль ответил звонкой оплеухой и для пущей убедительности плеснул пивом в бородастое лицо Адрастоса. Присутствовавшие дамы охнули, в изумлении прикрыв ладонями рты, но воздержались от истерик, наблюдая лишь, как несколько мужчин встали между конфликтующими сторонами, пытаясь избежать потасовки. Однако среди джентльменов пойти на обострение конфликта означало бы нарушить протокол и потерять лицо, опуститься до уровня бранящихся крестьян, не слышавших о чести и достоинстве. В нынешних обстоятельствах за словесным оскорблением последовал оправданный brutalный выпад. Все кончилось вызовом согласно дуэльному кодексу и в присутствии свидетелей. Формальности ради обменялись именами и оставили секундантов обсуждать детали.

Многих удивило, как из сердитого волка Адрастос моментально превратился в сущую овцу. Без дальнейших церемоний он велел музыкантам играть, будто не случилось ничего из ряда вон выходящего, отер с лица пиво и промокнул расшитую рубашку. Пылавшие гневом глаза подернулись влагой. Адрастос поглядел на златозубый оскал Рафаэля.

– Не убегай, Рафаэль, растяни последний вечер, а потом до рассвета наслаждайся очарованием своей прекрасной дамы. Только не вздумай опаздывать на наше свидание.

Фенелла увлекла за собой смущенного Рафаэля подальше от свиты Адрастоса. Они шагнули в морозную зимнюю ночь, забыв о верхней одежде. Их ждала карета и горстка друзей, обещавших утром прийти поддержать Рафаэля. Услышав это, Фенелла окончательно утратила контроль и закричала.

– Утром он никуда не пойдет! И не смейте, ни один из вас, показаться у нашего дома. Пора покончить с этой провокацией! Я не позволю продолжать это бесстыдство. Вы поняли?!

Она захлопнула дверь кареты и крикнула трогать, прежде чем им вручили забытые одежды. Фенелла уткнулась лицом в колени Рафаэля и зарыдала, с каждым всхлипом все больше наполняя грудь жгучим страхом. Рафаэль сидел молча, поглаживая жену по спине и ощущая ее горячие слезы сквозь ткань своих брюк. Он был в потрясении, не в состоянии понять всей важности произошедших событий. Казалось, могучий шторм налетел ниоткуда, сорвал крышу над головой и оставил его в подвешенном состоянии, в пространстве, лишенном привычных характеристик. Рафаэль чувствовал, будто душа покинула тело, и знал, что их нужно срочно воссоединить. Он вспомнил про лежавший рядом плед и, оторвав от колен трясущуюся Фенеллу, укутал ее и обнял крепче. Вместе, но в то же время порознь, они слушали стук колес и скрип кареты, пребывая в замешательстве, которое так никогда и не прояснится.

Адрастос остался еще выпить пива, согреваясь в лучах самонадеянности. Светило это не приближает ни весны, ни зимы, а дарит тепло и удовлетворение лишь тем, кто привык получать желаемое всегда и в любых количествах. Адрастос не мог усидеть на месте, домой идти не хотелось, но он понимал, что ради твердости руки и остроты глаза нужно отдохнуть. Наконец-то вопрос решится раз и навсегда, стоит только выглянуть солнцу, чтобы можно было различать лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.